

ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-90-102>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 22.01.2020
Принята к публикации: 14.03.2020

Илья Михайлович ЛИФШИЦ

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации

Воробьевское шоссе, д. 6А, Москва, 119285, Российская Федерация

I.Lifshits@edaslawfirm.ru

ORCID: 0000-0002-1228-1183

ТИПОЛОГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ПРАВА И ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ. Взаимодействие правовых систем представляет собой серьезный вызов для науки международного права. Особую специфику такое взаимодействие приобретает в интеграционных образованиях, правовой базой для функционирования которых являются международные договоры. Характерной особенностью таких образований является прямое действие их правовых актов в отношении частных лиц. В статье рассматриваются различные подходы к взаимодействию международного финансового права как подотрасли международного права и права ЕС, выделяются различные модели и типы такого взаимодействия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основано на эмпирических материалах правового характера в сфере финансов, в том числе международных договорах, судебных решениях, документах рекомендательного и программного характера. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы, в том числе логический, исторический, аналитический и сравнительно-правовой методы, метод прогнозирования и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Типология взаимодействия может быть осуществлена на

основании различных критериев. Взаимодействие международного финансового права и права ЕС происходит как по модели взаимодействия общего и специального режима в международном праве, так и по модели реализации международного права в национальной правовой системе. Первая модель использовалась в двух случаях: при заключении международных договоров, учреждающих европейское интеграционное образование, и при вступлении в него новых членов (генетическое взаимодействие), а также при выходе из него (терминальное взаимодействие). В период текущего функционирования ЕС приоритетной является вторая модель. В рамках второй модели могут быть выделены такие способы взаимодействия, как инкорпорация и отсылка. Отдельно нужно выделить инкорпорацию мягко-правовых норм, которые могут реализовываться как в правовых актах ЕС, так и рекомендациях, принимаемых институтами и органами ЕС.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В результате анализа правотворческой и правоприменительной практики ЕС в финансовой сфере автор заключает, что разделение между монизмом и дуализмом проводится в правовой системе ЕС по

критерию самоисполнимости международных договоров. Взаимодействие международного финансового права и права ЕС происходит на уровне принципов и на уровне базовых идей и ценностей современного мира, сформулированных в рамках международных форумов и организаций. Взаимодействие происходит как на уровне «общее международное право – право ЕС в целом», так и на уровне «международное финансовое право – финансовое право ЕС».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное финансовое право, право ЕС, взаимодействие правовых

систем, инкорпорация, отсылка, фрагментация международного права, автономный режим

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лифшиц И.М. 2020. Типология взаимодействия международного финансового права и права Европейского союза. – Московский журнал международного права. № 1. С. 90–102. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-90-102>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE EUROPEAN UNION

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-90-102>

Ilya M. LIFSHITS

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for the Economic Development of the Russian Federation

6a, Vorobyovskoye shosse, Moscow, Russian Federation, 119285

I.Lifshits@edaslawfirm.ru

ORCID: 0000-0002-1228-1183

Research article
Received 22 January 2020
Approved 14 March 2020

TYPOLGY OF INTERACTION BETWEEN THE INTERNATIONAL FINANCIAL LAW AND THE EU LAW

INTRODUCTION. Interaction between different legal systems is a substantial challenge for the international law science. Such an interaction becomes even more specific in integration states' associations which peculiarity is direct effect of the legal acts of such associations with regard to individuals. The article examines various approaches to the interaction between international financial law as a brunch of international law and the EU law. Author outlines different types of the interaction.

MATERIALS AND METHODS. Author researched different types of the interaction on the basis of legal

empirical materials in the sphere of finance including international agreements, court decisions, recommendations and working documents. The methodological basis of the research contains general scientific and special methods including logical, historical, analytical comparative and prognostic methods.

RESEARCH RESULTS. Interaction typology can be made on the basis of various criteria. International financial law and the EU law use a model of interaction between general and special regime of international law as well as a model of implementation of international law in a domestic legal system. The first

model has been applied in two cases. When the European Economic Community was established and when new Members entered in it (genesis interaction) as well as when Member state left the EU (terminal interaction). In the course of current functioning of the EU gives the priority to the second model. The latter contains two methods of interaction: incorporation and reference. Incorporation of soft law rules has specific features since it may be realized not only via legal instruments but also via recommendations of the EU institutes and bodies.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Basing on the analysis of rule-making and application of law in the EU finance sphere author argues the distinction between monism and dualism is performed using the criterion of the self-execution of international agreements. Interaction of international financial law and the EU law is pursuing on the level of principles and*

global ideas and values of contemporary world. These principle and values may be declared in the framework of international fora and organizations. Interaction is pursuing on the level 'general international law and the EU law as a whole' as well as on the level 'international financial law and the EU financial law'.

KEYWORDS: *international financial law, EU law, incorporation, reference, fragmentation of international law, autonomous regime*

FOR CITATION: Lifshits I.M. Typology of Interaction between the International Financial Law and the EU Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No 1. P. 90–102. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-90-102>

The author declares the absence of conflict of interests.

1. Введение

Изучение характера взаимодействия международного финансового права и права Европейского союза предполагает проведение классификации такого взаимодействия по существенным признакам, выработку научного метода анализа данного явления по общности признаков классификации.

Поскольку и Европейские сообщества, и Европейский союз были учреждены международным договором, то первая возможная модель применительно к взаимодействию международного права в целом и права ЕС в целом, которую можно протестировать применительно к исследуемому явлению, это *взаимодействие общего и специального режима* в контексте фрагментации международного права. Допустив аналогию права интеграционного объединения и национального права, можно предложить вторую модель и рассмотреть, насколько применимы к правопорядку ЕС способы, выработанные наукой для *взаимодействия международного и национального права*. Эти подходы, наложенные на анализ нормотворческой и правоприменительной практики ЕС, помогут сформулировать выводы о способах взаимодействия международного права и права ЕС.

В рамках второй модели целесообразно рассмотреть роль различных источников международного права, в т. ч. международных договоров

в праве ЕС. Последние для целей анализа можно разбить на несколько групп: международные договоры, заключаемые самим Европейским союзом, а ранее – Европейским Сообществом; международные договоры государств – членов ЕС с третьими странами и международные договоры государств – членов ЕС между собой, так называемые договоры *inter se* [Лифшиц 2018:5-13].

2. Специфика права ЕС

Выбор теоретической модели во многом обусловлен решением вопроса о квалификации права Европейского союза в качестве отдельной правовой системы или как специального (автономного) режима в рамках международного права как системы [Курс международного права... 1989:17-19; Абашидзе, Кислицына 2011:3-16; Черниченко 2014:19-20]. С другой стороны, выявление характера взаимодействия международного права и права ЕС даст дополнительный материал для ответа на вопрос о наиболее уместной модели.

Рассматривая взаимодействие международного и национального права, Клабберс отмечает значительную специфику права ЕС по двум причинам: во-первых, рецепция права ЕС внутригосударственным правом следует из права ЕС, а не национального права, а, во-вторых, ЕС сам является отдельным правопорядком, в рамках кото-

рого может быть рассмотрен вопрос о том, как ЕС принимает международное право [Klabbers 2017:329]. Таким образом, можно говорить о *реализации международно-правовых норм в правовом порядке интеграционного объединения*, а в рамках такой реализации выделить такие способы, как инкорпорация и отсылка. При этом инкорпорация нормы международного права может быть осуществлена путем издания правового акта ЕС, что подразумевает наличие соответствующей компетенции европейского интеграционного образования. Особняком стоит инкорпорация мягко-правовых норм, вырабатываемых международными организациями и другими органами. Такие нормы могут реализовываться как в правовых актах ЕС, так и в рекомендациях, кодексах поведения, ориентирах, принимаемых институтами и органами ЕС. То есть реализация проходит либо по линии «*международное мягкое право – правовой акт ЕС*» (своеобразное «затвердевание мягкого права») либо по линии «*международное мягкое право – мягкое право ЕС*». В финансовой сфере роль «мягкого права» особенно велика, что не раз отмечалось исследователями [Brummer 2011: 257-327; Weber 2015:33-45; Weiss 47-58]. Заметим в скобках, что в правовом порядке ЕАЭС некоторые источники международного «мягкого права» упомянуты в самом Договоре¹, что говорит об их «затвердевании» на самом высшем уровне.

Отсылка (для применения во внутреннем правовом порядке ЕС) ко всем международным договорам, заключенным ЕС или государствами-членами, как таковая формально отсутствует в правовых актах ЕС, однако международные договоры, заключенные как ЕС, так и государствами-членами могут непосредственно применяться в его правовом порядке в определенных случаях в

силу обширной практики Суда ЕС. Кроме того, п. 3 ст. 6 ДФЕС указывает, что «основные права, как они гарантированы Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и как они вытекают из конституционных традиций общих для государств-членов, составляют общие принципы права Союза».

Прежде чем рассматривать характер взаимодействия международного права и права ЕС, полезно напомнить, как само право ЕС приобрело два важнейших своих качества – прямое действие и верховенство. Так, Суд Европейских сообществ впервые высказался о прямом действии положений Договора об учреждении Европейского экономического сообщества через неполные 5 лет после учреждения ЕЭС в известном деле *Van Gend v. Loos*, постановив, что субъектами правового порядка, созданного Договором об учреждении ЕЭС, являются не только государства-члены, но и их граждане, и независимо от законодательства государств-членов право Сообщества не только налагает обязательства на частных лиц, но и, кроме того, призвано наделять их правами, которые становятся частью их правового статуса². Суд объявил, что Европейское экономическое сообщество является «новым правовым порядком международного права» (*new legal order of international law*)³, однако впоследствии в практике суда указание на принадлежность права Сообществ к международному праву исчезло. В известном деле *Costa v. Enel* Суд указал, что «Договор о ЕЭС учредил собственную правовую систему и стал после своего вступления в силу составной (*integral*) частью правовых систем государств-членов»⁴. В деле «*Francovich*» Суд повторил этот вывод: «Договор о ЕЭС создал свою собственную правовую систему, которая выступает составной частью правовых систем государств-

¹ В п. 22 Приложения № 17 к Договору о ЕАЭС указано, что «государства-члены гармонизируют свои требования по регулированию и надзору кредитных организаций, руководствуясь в своих действиях наилучшей международной практикой и основополагающими принципами эффективного банковского надзора Базельского комитета по банковскому надзору», в п. 23 в таком же контексте гармонизации указаны основополагающие принципы Международной ассоциации страховых надзоров, а в п. 25 – принципы Международной организации комиссий по ценным бумагам, Организации экономического сотрудничества и развития. В п. 22 (3), 23 (3) и 25 (5) упомянуты также Международные стандарты финансовой отчетности. См.: Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014. – *Правовой портал ЕАЭС*. Доступ: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru> (дата обращения: 10.11.2019).

² См.: Court of Justice of the European Union: *Van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration*. Judgment. Case No. 26/62. February 5, 1963. – *European Court Reports*. 1963. P.2-16. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61962CJ0026&from=EN> (accessed 21.11. 2019).

³ Ibid. P. 2, 12.

⁴ См.: Court of Justice of the European Union: *Flaminio Costa v. E.N.E.L.* Judgement. Case No. 6/64. July 15, 1964. – *European Court Reports*. 1964. P. 586, 594. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61964CJ0006&from=EN> (accessed 21.11. 2019).

членов...»⁵. Таким образом, акцент был сделан на автономности права Сообществ в системе международного права, на прямом действии, а затем и на верховенстве права Сообществ по отношению к праву национальному⁶.

Интересно сравнить прямое действие норм международных договоров в правопорядке ЕС с прямым действием нормативных правовых актов интеграционного образования в национальных правопорядках государств-членов. Особенностью прямого действия таких актов является закрепление этого качества непосредственно в международном договоре, учреждающем такое объединение. Так, прямое действие регламента ЕС, закреплено в ст. 288 ДФЕС, а непосредственное применение решений Евразийской экономической комиссии – в п. 13 Приложения 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Концепция прямого действия регламентов была развита в практике Суда ЕС7, который, кроме того, придал прямое действие отдельным положениям Учредительных договоров⁸, а также в определенных случаях и нормам директив⁹.

Государства – участники ЕС придавали особое значение своевременной и полной имплементации директив в национальное право. На межправительственной конференции государств-членов Европейского экономического сообщества 1990 г., а также на конференции 1992 г., на которой был подписан Маастрихтский договор, были приняты 33 декларации, приложенные к

Заключительному акту, среди которых имелась Декларация (№ 19) об имплементации права Сообщества, в которой указано следующее:

«1. Конференция обращает особое внимание, что для единства и согласованности процесса Европейского строительства ключевым вопросом является полное и точное преобразование директив Сообщества, адресованных государствам-членам, в их национальное право, в рамках обозначенных в директивах сроков.

Более того, Конференция, признавая, что каждое государство-член само должно определить, как положения права Сообщества могут быть лучшим способом осуществлены в свете его собственных индивидуальных институтов, правовой системы и других обстоятельств ... считает необходимым для надлежащего функционирования Сообщества, чтобы меры, принимаемые разными государствами-членами, воплощались с такой же эффективностью и строгостью, как и национальное право»¹⁰.

Однако М.М. Бирюков полагает, что «так называемое "прямое применение" норм права Сообществ есть скорее иллюзия, чем реальность. Указанные нормы имплементируются (трансформируются) в национальное право государств-членов»¹¹. Безусловно, можно и нужно говорить об имплементации директив ЕС в правовые системы государств-членов, но регламентам же изначально (с согласия государств-членов, конечно) придано свойство прямого

⁵ См.: Court of Justice of the European Union: Andrea Francovich and Danila Bonifaci and others v Italian Republic. Judgment. Joint Cases No. C-6/90 and C-9/90. November 19, 1991. – *European Court Reports*. 1991. P. 5403-5418. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:7a76ea3f-a919-475c-8cbe29e0b260ebc4.0002.03/DOC_1&format=PDF (accessed 21.11. 2019).

⁶ См.: Court of Justice of the European Union: Flaminio Costa v. E.N.E.L. Judgement. Case No. 6/64. July 15, 1964. – *European Court Reports*. 1964. P. 586, 593. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61964CJ0006&from=EN> (accessed 21.11. 2019).

⁷ См.: Court of Justice of the European Union: Commission v. Italy. Judgment. Case No. 39/72. February 7, 1973. – *European Court Reports*. 1973. P. 102-117. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61972CJ0039&from=EN> (accessed 21.11. 2019); Court of Justice of the European Union: Andrea Francovich and Danila Bonifaci and others v Italian Republic. Judgment. Joint Cases No. C-6/90 and C-9/90. November 19, 1991. – *European Court Reports*. 1991. P. 5403-5418. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:7a76ea3f-a919-475c-8cbe29e0b260ebc4.0002.03/DOC_1&format=PDF (accessed 21.11. 2019).

⁸ Например, в части запрета налогообложения на дискриминационной основе. См.: Court of Justice of the European Union: Alfons Lütticke GmbH v Hauptzollamt Sarrelouis. Judgment. Case No. 57-65. June 16, 1966. – *European Court Reports*. 1966. P. 205-212. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61965CJ0057&from=EN> (accessed 21.11. 2019).

⁹ См.: Court of Justice of the European Union: Yvonne van Duyn v Home Office Judgment. Case No. 41-74. December 4, 1974. – *European Court Reports*. 1974. P. 1338-1352. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61974CJ0041&from=EN> (accessed 21.11. 2019).

¹⁰ Declaration on the implementation of Community law. – *Official Journal of the European Communities*. July 29, 1992. P. 102. Очевидно, что в декларации нашли отражение правовые позиции, высказанные Судом.

¹¹ Бирюков, М.М. Современное развитие Европейского союза: международно-правовой подход. Дис. ... доктора юрид. наук. Москва. 2004. С. 22.

применения. Так что, если последнее и является иллюзией, то весьма искусной. Кроме того, и прямое применение самих норм Учредительных договоров стало в некоторой степени «сюрпризом» для государств-членов: в упомянутом деле *Van Gend* трое из шести государств-членов (Нидерланды, Бельгия и ФРГ) высказывались в Суде в пользу непридания прямого действия положения Договора.

Примечательно, что Договор о выходе Великобритании из ЕС, предусмотрел непосредственно в его тексте (в ст. 4) прямое действие его норм, что является уникальным (или очень редким) примером в истории международного права. Б.И. Нефедов полагает, что «достаточно редко, но встречаются случаи, когда санкция на применение норм международных договоров в качестве непосредственных регуляторов немеждо-сударственных общественных отношений может содержаться в самих международных договорах или международно-правовых актах» и провидит в качестве примера Соглашение о международном пассажирском сообщении (СМПС) (п. 1 ст. 3), указывая, что данное соглашение имеет обязательную силу для перевозчиков, пассажиров и т.д.¹²

Суд Евразийского экономического союза занял сходную с Судом ЕС позицию о непосредственном применении норм учредительного акта в деле о разъяснении положений Договора о свободном движении рабочей силы («Деле спортсменов»). В

Консультативном заключении от 7 декабря 2018 г. Суд указал, что правовые нормы пунктов 1 и 2 ст. 97 Договора о трудовой деятельности адресованы не только государствам, но и работодателям, заказчикам работ и трудящимся. Логичным следствием этого вывода стало обобщение о том, что соответствующие нормы имеют свойство прямого действия и непосредственного применения¹³. Качества непосредственного применения и прямого действия Суд ЕАЭС также придал нормам о защите конкуренции на трансграничных рынках¹⁴. Как отмечают Е.Б. Дьяченко и К.В. Энтин, первый раз о непосредственном применении Суд высказался в решении Большой коллегии от 21.02.2017 в межгосударственном споре России против Белоруссии [Дьяченко, Энтин 2019:90]¹⁵.

Принцип верховенства права ЕС над национальным правом нашел отражение в Декларации № 17 о верховенстве (или в другом переводе – примате), приложенной к Заключительному акту межправительственной конференции, принявшей Лиссабонский договор¹⁶, в которой было указано: «Конференция напоминает, что согласно устойчивой судебной практике (well settled case law) Суда Европейского союза Договоры и право, создаваемое Союзом на основании Договоров, обладают верховенством (приматом – primacy) над правом государств-членов на условиях, определенных упомянутой судебной практикой». Кроме того, данная Декларация содер-

¹² Нефедов, Б.И. *Катехизис аспиранта кафедры международного права: учебное пособие*. М.: МГИМО-Университет. 2018. С. 183-184.

¹³ См.: Суд Евразийского экономического союза: Консультативное заключение Суда от 07 декабря 2018 «О разъяснении применения пункта 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств – членов ЕАЭС, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к данной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности» № СЕ-2-2/5-18-БК. Доступ: <http://courteurasian.org/page-26241> (дата обращения: 08.11.2019).

¹⁴ Суд Евразийского экономического союза: Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 4 апреля 2017 г. по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь № СЕ-2-1/1-17-БК. Абз. 1-2 п. 2. Доступ: <http://courteurasian.org/doc-18093> (дата обращения: 08.11.2019).

¹⁵ Суд Евразийского экономического союза: Решение Большой коллегии Суда от 21 февраля 2017 г. по заявлению Российской Федерации по спору о соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов таможенного союза № СЕ-1-1/1-16-БК. Абз. 3, 6 п. 5; абз. 3, 4 п. 7. Доступ: <http://courteurasian.org/doc-17943> дата обращения: 08.11.2019).

¹⁶ А.О. Четвериков полагает, что декларации не являются составной частью первичного права Европейского союза и не имеют, как таковые, юридически обязательной силы. См.: Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. *Европейский союз. Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями*. М.: ИНФРА-М. 2008. С. 657. Есть и другие точки зрения. Так, Б.Н. Топорнин считал, что «учредительные договоры и договоры, вносящие в них изменения и дополнения, входят в первичное право со всеми приложениями, протоколами, декларациями и иными сопровождающими их документами». См.: Топорнин Б.Н. *Европейское право: учебник*. М. Юрист. 1998. С. 280. Правовое значение декларации как средства, используемого для толкования Учредительных договоров, не вызывает сомнения. Значение деклараций для толкования и применения учредительных документов Союза обозначает и автор приведенного выше комментария (А.О. Четвериков). См.: Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Указ. соч. С. 657.

жит ссылку на Заключение юридической службы Совета от 22.06.2007, квалифицирующее верховенство права Европейского Сообщества в качестве основополагающего принципа этого права и утверждающее, что отсутствие в Договоре указания на верховенство права Сообщества «никоим образом не влияет на существование этого принципа и существующую судебную практику Суда». Заключение содержит ссылку на первое дело Суда, закрепившее верховенство (*Costa/Enel*, 15 июля 1964), и выдержку из этого решения. Столь «скромное» и необычное (со ссылкой на заключение структурного подразделения Совета) закрепление принципа верховенства было связано с нежеланием государств-членов окончательно и бесповоротно признавать верховенство за правовыми актами Союза, со стремлением сохранить некоторую гибкость в вопросе о соотношении союзных и национальных актов, с осторожностью при введении в Договор правовых положений, подчеркивающих «федеративную» компоненту Союза. Заметим, что в подписанном, но не вступившем в силу Договоре, учреждающем Конституцию для Европы, была предусмотрена специальная статья I-6, указывающая на верховенство Конституции и права, создаваемого институтами Союза во исполнение предоставленной ему компетенции¹⁷.

Вместе с тем, очевидно, что пусть и в форме декларации, но принцип верховенства права ЕС над национальным правом нашел договорное закрепление, а, как известно, для целей толкования договора контекст, используемый для уяснения обычного значения терминов договора, охватывает кроме текста «любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору» (п. 2 (b) ст. 31 ВКПМД).

3. Монизм и дуализм в правовой системе ЕС

В отличие от соотношения права ЕС и национального права, вопрос о соотношении права

Сообщества (затем и права Союза) и международного права не получил столь однозначного ответа ни в практике Суда, ни в Учредительных договорах. Р. Шутц считает, что Европейский правопорядок традиционно следовал монистическому подходу [Schütze 2018:110], что международные договоры рассматриваются как акты институтов Союза (со ссылкой на дело *Sevince*¹⁸), и как Европейское право такие договоры должны обладать качеством прямого применения [Schütze 2018:111]. Д. Клабберс занимает другую точку зрения, утверждая, что ЕС во внутренних вопросах (соотношение права ЕС и национального права государств-членов) решительно занимает монистическую позицию, а в отношении действия международного права в правопорядке ЕС была занята позиция значительно более близкая к дуализму [Klabbers 2017:330].

Интересно, что дискуссия о монистическом или дуалистическом характере национальных правовых систем государств – членов ЕС вышла за рамки кабинетов ученых и приобрела вполне практическое применение в рамках имплементации норм международных договоров, являющихся источниками международного финансового права. Так, Договор о стабильности, координации и управлении в Экономическом и валютном Союзе предусматривает обязанность государств – членов ЕС, являющихся участниками Договора, ввести в действие в национальном праве правила об ограничении бюджетного дефицита и о корректирующем механизме¹⁹. Рассматривая, как государства-члены исполнили эту обязанность, Европейская Комиссия в 2017 г. отметила, что в отдельных государствах, имеющих монистический правопорядок, Договор стал частью их правовой системы автоматически²⁰. Таким образом, термин «монизм» был употреблен в докладе как характеристика национальной правовой системы, которая предполагает действие в ней положений международного договора без необходимости изменения национального законодательства. Примерно также определена «монистическая система» в пояснении Юриче-

¹⁷ См.: Treaty establishing a Constitution for Europe signed in Rome on 29 October 2004. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europa.eu/files/docs/body/treaty_establishing_a_constitution_for_europe_en.pdf (accessed 12.12.2019).

¹⁸ См.: European Court of Human Rights: *Sevince v. Staatssecretaris van Justitie*. Judgment. Case No. C-192/89. September 20, 1990. Para 10. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61989CJ0192> (accessed 12.12.2019).

¹⁹ Treaty on Stability, Coordination and Governance in the Economic and Monetary Union dated March 2, 2012. Art. 3 (2). URL: https://www.consilium.europa.eu/media/20399/st00tscg26_en12.pdf (accessed 30.11.2019).

²⁰ European Union: Report from the Commission, presented under Article 8 of the Treaty on Stability, Coordination and Governance in the Economic and Monetary Union. February 22, 2017. 22.2.2017. P. 4 URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/c20171201_en.pdf (accessed 30.11.2019).

ского директора ОЭСР о функционировании в рамках публичного международного права Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения²¹. Эта Конвенция представляет собой многосторонний международный договор, который модифицирует применение двухсторонних договоров об избежании двойного налогообложения. Юридический директорат ОЭСР отмечает, что способ такой модификации на внутригосударственном уровне (at the domestic level) зависит от юридических механизмов, определяющих исполнение международных прав и обязанностей в каждой юрисдикции²². Так, ратификация международного договора может автоматически влечь за собой интеграцию прав и обязанностей, предусмотренных международным договором, в национальное право («монистическая система»), или необходимо изменение национального законодательства для того, чтобы перенести (transpose) права и обязанности из международного договора в национальное право («дуалистическая система»)²³. Таким образом, в современной практике международного финансового правотворчества ЕС разделение между монизмом и дуализмом проводится по критерию самоисполнимости международных договоров.

4. Критерии классификации взаимодействия

Говоря о взаимодействии двух явлений правовой действительности, можно выделить и другие критерии классификации и, соответственно, виды взаимодействия. Так, очевидно, что взаимодействие может быть *согласованным и конфликтным, нормотворческим и правоприменительным*, в рамках которого следует выделить, диалог Суда Европейского союза и органов

международного правосудия. Можно рассматривать влияние международного права на право ЕС и *обратное влияние*. Реализуя внешнюю компетенцию и правосубъектность, ЕС заключает международные договоры с другими субъектами международного права и тем самым не просто влияет на международное право, но и участвует в его формировании. При этом ст. 21 ДЕС указывает, что ЕС в своих действиях на международной арене руководствуется принципами, на которых построен сам Союз, но помимо этого, статья устанавливает, что эти же принципы, а также отдельные ценности и задачи, среди которых, например, значится «надлежащее управление мировыми делами» (*good global governance*), Союз продвигает в остальном мире. Л.М. Энтин, комментируя это положение ст. 21 ДЕС, указывает, что ЕС здесь не маскирует экспансионистские начала и исходит из амбициозной презумпции, что самые достойные и высокие цели в мире выдвигает именно ЕС²⁴. Участие различных институтов ЕС в заключении международных договоров подчинено процедуре, урегулированной, в частности, ст. 207 и 218 ДФЕС.

По критерию стадии взаимодействия целесообразно выделить следующие виды: *генетическое* взаимодействие (от греч. *genesis* – происхождение), *текущее* и *терминальное* (от лат. *terminus* – предел, конец): первый вид имел место при учреждении Сообществ, последний – при выходе государства-члена из Союза. Можно рассматривать взаимодействие *по источникам международного права* и права Европейского союза: договор-договор, обычай-обычай, принцип-принцип. В рамках исследования взаимодействия принципов могут быть выделены принципы международного права, принципы международного финансового права, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями²⁵ (пп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Между-

²¹ Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting: Functioning under Public International Law. Note by the OECD Directorate for Legal Affairs. Para 28. URL: <https://www.oecd.org/tax/treaties/legal-note-on-the-functioning-of-the-MLI-under-public-international-law.pdf> (accessed 12.11.2019).

²² Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting: Functioning under Public International Law. Note by the OECD Directorate for Legal Affairs. Para 28. URL: <https://www.oecd.org/tax/treaties/legal-note-on-the-functioning-of-the-MLI-under-public-international-law.pdf> (accessed 12.11.2019).

²³ Ibid.

²⁴ Энтин Л.М. *Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009-2017 годы: учебное пособие*. М.: Аксиом. 2009. С. 117.

²⁵ Термин «цивилизированные нации» является анахронизмом, и его не следует дальше использовать. Это является позицией государств и указано в Первом докладе об общих принципах права, подготовленном Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. См.: Комиссия международного права ООН: Первый доклад об общих принципах права, подготовленный Специальным докладчиком Марсело Васкес-Бермудесом. 5.04.2019. Доступ: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A/CN.4/732&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (дата обращения: 12.11.2019).

народного Суда ООН), с одной стороны, и общие принципы права ЕС и принципы финансового права ЕС, с другой.

5. Взаимодействие на уровне принципов и ценностей

Специальный докладчик Комиссии международного права ООН указал, что «среди категорий общих принципов права, которые могут попадать под статью 38 1) с) Статута Международного Суда выделяются следующие две: а) общие принципы права, вытекающие из национальных правовых систем; и б) общие принципы права, сформированные в рамках международно-правовой системы»²⁶. Д.Б. Левин придерживается точки зрения, что общие принципы права, упомянутые в ст. пп. «с» пункта 1 ст. 38 Статута международного суда ООН, это «и принципы внутреннего права, и принципы международного права, которые разделяются всеми или многими государствами» [Левин 1974:226]. А.Х. Абашидзе полагает, что в доктрине международного права под «общепризнанными принципами международного права» понимаются «общие принципы международного права» или «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», которые нередко называют основополагающими [Абашидзе 2017:25]. А вот Б.И. Нефедов предлагает различать «общепризнанные принципы международного права», «основные принципы международного права», «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» и указывает, что общие принципы права «являются общими для любых типов правовых систем, то есть для права как такового» (*курсив наш – И.Л.*) [Нефедов 2019:6-17].

К.А. Бекашев указывает, что все принципы международного публичного права можно объединить в три группы: основные, общетраслевые, межотраслевые принципы [Бекашев 2008:433]. Говоря об отраслевых принципах международного финансового права, В.М. Шумилов относит к таким принципам право государства на собственную финансовую систему, валюту, установление правил обмена, принцип стабиль-

ности платежного баланса, но в то же время отмечает «очевидный недостаток специальных международно-правовых принципов международного финансового права» [Шумилов 2005:76-77]. Д.В. Красиков выделяет международно-правовые принципы реструктуризации суверенного долга: принцип устойчивости долга, легитимности, беспристрастности, ответственности и коллективной автономии [Красиков 2018:215-2019].

О.А. Сафина считает необходимым заключить международное соглашение, в котором была бы отражена следующая система принципов: «1. Принципы международного публичного права, конкретизированные применительно к кредитно-денежным и расчетным отношениям. 2. Принципы МЭП, конкретизированные применительно к кредитно-денежным и расчетным отношениям. 3. Собственно принципы МФП, отражающие специфику регулирования именно данной подотрасли»²⁷. В качестве последних предлагаются а) принцип обеспечения стабильности мировой финансовой системы; б) принцип транспарентности (прозрачности) финансовых политик государств и деятельности международных финансовых организаций; в) принцип предупреждения финансовых кризисов; г) принцип либерализации движения текущих платежей и капиталов»²⁸.

Определяя сущность подотраслевых принципов международного финансового права, отметим точку зрения, высказанную в диссертации И.С. Чабаевой, о том, что как общие, так и специальные принципы (речь идет о международном экономическом праве) «не могут быть ничем иным, кроме как нормативными правилами поведения, закрепленными в объективном международном праве, т.е. выраженными в международно-правовых обычаях и положениях международно-правовых договоров»²⁹. В этой работе автором выделены принципы международного экономического права, производные от принципов международного права и составляющих соответствующую им «пару» (принцип уважения государственного суверенитета – принцип суверенитета над природными ресурсами)³⁰. Автор указывает также на «нормы, хотя

²⁶ Там же. П. 22.

²⁷ Сафина О.А. Международно-правовое регулирование кредитно-денежных и расчетных отношений на универсальном уровне. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2005. С. 124.

²⁸ Там же. С. 10, 125.

²⁹ Чабаева И.С. Принципы международного экономического права. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2010. С. 13.

³⁰ Там же. С. 15.

и обусловленные общепризнанными принципами и нормами общего международного права, но характеризующиеся относительной (точнее, внешней) автономностью от них (принцип национального режима, принцип наибольшего благоприятствования, экономической недискриминации)³¹.

Очевидно, что и в международной финансовой системе можно также выделить принципы-пары: так, например, из принципа уважения государственного суверенитета можно вывести принцип свободы определения каждым государством своей валютно-финансовой системы. Последний был идентифицирован еще Постоянной Палатой Международного Правосудия в деле о Сербских и Бразильских займах³². Применительно к ЕС этот принцип был реализован в создании частью государств – членов ЕС валютного союза, введении общей валюты взамен национальных, в учреждении единого органа, отвечающего за монетарную политику (ЕЦБ) с передачей последнему исключительного права эмиссии единой валюты.

Особенности существования ЕС как союза государств, сохраняющих свои правовые системы, конституции и национальную индивидуальность, предопределили взаимодействие как принципов международного права, так и общих принципов права ЕС, а также принципов национального права государств-членов. При этом Договор о Европейском союзе в отдельных случаях ссылается, как было указано выше, на «общие принципы, являющиеся общими для правовых систем государств-членов».

Развитие правовой системы ЕС находится под влиянием не только принципов международного права или общих принципов права, но и базовых

идей и ценностей, которые формулируются на международном уровне и закрепляются в декларациях международных форумов (например, G-20) [Лифшиц 2014:49-58] или в уставах международных институций (например, Международной организации комиссий по ценным бумагам или Совета по финансовой стабильности). Такие базовые идеи могут меняться под влиянием текущих событий международной жизни, отдельным ценностям может даваться приоритет над другими, ранее казавшимися незыблемыми. Так, например, после глобального кризиса идея финансовой стабильности стала основным трендом развития международной финансовой системы, и в отдельных случаях в жертву такой стабильности принесена такая очевидная ценность, как банковская тайна³³. Второй послекризисный саммит в Лондоне в 2009 г. «не постеснялся» провозгласить конец эры (!) банковской тайны. В числе «жертв» финансовой стабильности нужно указать также свободу налоговой оптимизации, право государств устанавливать собственную налоговую систему и систему финансового регулирования (например, в части идентификации бенефициаров компаний и требований о локализации деятельности компаний в стране их регистрации). Международная финансовая стабильность объявлена *глобальной финансовой ценностью* (global public good)³⁴. Соответственно, обязательство по ее сохранению можно, по нашему мнению, оценить как обязательство *erga omnes*³⁵. Исследователи отмечают, что защита финансовой стабильности обозначена в качестве цели как в Декларации саммита «Группы 20» в Вашингтоне³⁶, так и международных договорах: п. 2 (а) Приложения по финансовым услугам к ГАТС и ст. 105 (5) ДФЕС [Ohler 2010:16-17].

³¹ Там же.

³² См.: Permanent Court of International Justice: France v. Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes. Case Concerning the Payment of Various Serbian Loans Issued in France. July 12, 1929. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1929.07.12_payment1.htm (accessed 22.11.2019); Permanent Court of International Justice: France v. Brazil. Case concerning the Payment in Gold of Brazilian Federal Loans Contracted in France. Judgment. July 12, 1929. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1929.07.12_payment2.htm (accessed 22.11.2019).

³³ G-20: London Summit – Leader's Statement. April 2, 2009. Para. 15. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/g20_summit/2009-1/communique.pdf (accessed 20.11.2019).

³⁴ См., например: Shirakawa M. International Financial Stability as a Public Good Keynote Address at a High-Level Seminar Co-Hosted by the Bank of Japan and the International Monetary Fund (IMF) in Tokyo. October 14, 2012. URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/press/koen_2012/data/ko121014a.pdf (accessed 20.11.2019).

³⁵ Об обязательствах *erga omnes* см. Комиссия международного права ООН: Доклад исследовательской группы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». 13.04.2006. С. 208-224. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G06/610/79/PDF/G0661079.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.11.2019).

³⁶ G-20: Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. November 15, 2008. Paras. 3, 8, 16. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008declaration1115.html> (accessed 20.11.2019).

Последовавшее за финансовым кризисом массовое спасение банков за счет государственных средств, а также протесты общественности (под лозунгом «Occupy Wall Street»), основанные на явной несправедливости такого способа помощи коммерческим предприятиям (прибыль банки направляют на бонусы менеджерам и дивиденды акционерам, а убытки распределяют между всем населением государства) привело к формированию новой идеи – *недопустимости спасения банков за счет средств налогоплательщиков*. Эта идея через рекомендации Совета по финансовой стабильности³⁷ была реализована в правовых актах ЕС о финансовом оздоровлении банков³⁸, в частности, через механизм *bail in*, предусматривающий, что при неплатежеспособности банков прежде всего теряют свои активы (вклады, акции, субординированные кредиты, выданные банку) акционеры и менеджеры банка.

Определенное изменение приоритетов регулирования имело место и ранее. В 90-е годы прошлого века свобода проведения финансовых операций была серьезно лимитирована правовыми актами о противодействии отмыванию доходов, допускавшими в отдельных случаях несудебные ограничения.

Такие приоритеты, ценности, тренды стимулируют правотворческую деятельность институтов ЕС, облегчают передачу полномочий по регулированию новых видов финансовой деятельности Союзными органами, оказывают влияние на правоприменение (например, через рекомендации Европейского банковского органа).

Европейский союз объявляет себя «сообществом ценностей» (см., например, ссылку на практику Суда ЕС в апрельском 2019 г. коммюнике Комиссии)³⁹. Соответственно, взаимодействие международного права и права ЕС может происходить и происходит именно на *уровне ценностей*, которые определяют (или должны определять) и правовую политику, и нормотворчество и правоприменение. Одной из таких ценностей, заявленных в ст. 2 ДЕС является принцип господства права (*rule of law*). Интересно, что в указанном коммюнике Комиссии (а также в проекте Регламента в 2018 г.⁴⁰) особо выделена важность реализации принципа господства права применительно к бюджетной сфере. Выше также рассматривалась такая «глобальная ценность», как финансовая стабильность, которая, будучи сформулирована на международном уровне, нашла отражение в правовом порядке ЕС.

Следует, таким образом, заключить, что взаимодействие международного финансового права и права ЕС происходит не только на уровне принципов, но и на уровне базовых идей и ценностей современного мира, сформулированных на уровне международных форумов и организаций.

Европейский союз посредством международных соглашений об ассоциации, о партнерстве и сотрудничестве проводит политику, направленную на *гармонизацию законодательства соседних государств* с правовым порядком данного интеграционного объединения. П.А. Калининченко применяет термин «европеизация права», понимая под

³⁷ См.: Financial Stability Board: Key Attributes of Effective Resolution Regimes for Financial Institutions. October 14, 2014. URL: <https://www.fsb.org/2014/10/key-attributes-of-effective-resolution-regimes-for-financial-institutions-3> (accessed 30.11.2019).

³⁸ См.: European Union: Directive 2014/59/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 establishing a framework for the recovery and resolution of credit institutions and investment firms and amending Council Directive 82/891/EEC, and Directives 2001/24/EC, 2002/47/EC, 2004/25/EC, 2005/56/EC, 2007/36/EC, 2011/35/EU, 2012/30/EU and 2013/36/EU, and Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 648/2012, of the European Parliament and of the Council Directive 2014/59/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 establishing a framework for the recovery and resolution of credit institutions and investment firms and amending Council Directive 82/891/EEC, and Directives 2001/24/EC, 2002/47/EC, 2004/25/EC, 2005/56/EC, 2007/36/EC, 2011/35/EU, 2012/30/EU and 2013/36/EU, and Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 648/2012, of the European Parliament and of the Council. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014L0059&from=EN> (accessed 30.11.2019); European Union: Regulation (EU) No 806/2014 of the European Parliament and of the Council of 15 July 2014 establishing uniform rules and a uniform procedure for the resolution of credit institutions and certain investment firms in the framework of a Single Resolution Mechanism and a Single Resolution Fund and amending Regulation (EU) No 1093/2010. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0806&from=EN> (accessed 30.11.2019).

³⁹ См.: European Union: Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council “Further strengthening the Rule of Law within the Union: State of play and possible next steps”. April 3, 2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52019DC0163&from=EN> (accessed 30.11.2019).

⁴⁰ См.: European Union: Commission proposal of 3 May 2018 for a Regulation on the protection of the Union's budget in case of generalised deficiencies as regards the rule of law in the Member States. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52018PC0324&from=EN> (accessed 30.11.2019).

ним «восприятие национальной правовой системой определенных черт, характерных для европейских правовых моделей, а равно неких общих правовых традиций европейской культурно-цивилизационной системы»⁴¹. Можно утверждать, что процесс «европеизации» распространяется не только на национальные правовые системы, но и на международный правовой порядок в целом. Одним из способов воздействия правового порядка ЕС на международное право является участие ЕС и государств-членов в международных организациях.

6. Заключение

Подводя *итог*, необходимо отметить, что взаимодействие международного финансового права и права ЕС происходит на уровне «общее международное право – право ЕС в целом» (*общее взаимодействие*) и на уровне «международное финансовое право – финансовое право ЕС» (*специальное взаимодействие*). Взаимодействие также может осуществляться на уровне «общее международное право – финансовое право ЕС»

и «международное финансовое право – право ЕС в целом» (*диагональное взаимодействие*). Специальное взаимодействие осуществляется на основе общего взаимодействия, но имеет специфику, обусловленную особым характером отношений в финансовой сфере. Для анализа взаимодействия можно применить две модели: взаимодействие общего и специального режима в международном праве и взаимодействие международного и национального права. Кроме того, соотношение международного права и права ЕС можно сравнить с динамикой развития таких качеств права ЕС, как прямое действие и верховенство над национальным правом государств-членов. Могут быть выделены иные виды взаимодействия, например, по критерию стадии взаимодействия: генетическое, текущее и терминальное; по критерию согласованности: согласованное и конфликтное; по критерию субъекта и объекта воздействия: прямое воздействие международного права на право ЕС и обратное воздействие права ЕС на международное право. Следует особо отметить взаимодействие на уровне принципов и базовых ценностей.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х. 2017. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 19-30. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>
2. Абашидзе А.Х., Кислицына Н.Ф. 2011. Система международного права. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 3-16.
3. Бекашев К.А. 2008. Понятие и классификация основных принципов общего международного права. – *Lex Russica*. Т. 67. № 2. С. 433-441.
4. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. 2019. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017-2018 годах. – *Закон*. № 3. С. 88-109.
5. Красиков Д.В. 2018. Международно-правовые принципы реструктуризации суверенного долга. – *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал*. № 4. С. 215-219.
6. *Курс международного права: В 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права*. Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. 1989. М.: Наука. 360 с.
7. Левин Д.Б. 1974. *Актуальные проблемы теории международного права*. М.: Наука. 264 с.
8. Лифшиц И.М. 2014. G-20: спасение от кризиса или кризис легитимности?. – *Российский внешнеэкономический вестник*. № 12. С. 49-58.

9. Лифшиц И.М. 2018. Некоторые аспекты взаимодействия международного финансового права и права Европейского союза. – *Журнал Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки*. № 2. С. 5-13.
10. Нефедов Б.И. 2019. Принципы в международном праве: терминология. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-6-17>
11. Черниченко С.В. 2014. *Контурсы международного права. Общие вопросы*. М.: Научная книга. 592 с.
12. Шумилов В.М. 2005. Международное финансовое право: понятие, предмет, система. – *Внешнеэкономический бюллетень*. № 6. С. 67-78.
13. Brummer C. 2011. How International Financial Law Works (and How It Doesn't.). – *Georgetown Law Journal*. Vol. 99. Issue 2. P. 257-327.
14. Klabbers J. 2017. *International Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 398 p.
15. Ohler C. 2010. International Regulation and Supervision of Financial Markets After the Crisis. – *European Yearbook of International Economic Law*. Ed. by Chr. Hermann and J.P. Terhechte. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. P. 3-29. DOI: 10.1007/978-3-540-78883-6_1
16. Schütze R. 2018. *European Union Law*. 2nd ed. New York: Cambridge University Press. 916 p.
17. Weber R.H. 2015. Does financial law suffer from a systemic failure?. – *International Economic Law after the*

⁴¹ Калиниченко П.А. Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом. Дис. ... доктора юрид. наук. Москва. 2011. С. 369.

- Global Crisis: A Tale of Fragmented Disciplines*. Ed. by S.L. Lim and B. Mercurio. Cambridge: Cambridge University Press, P. 33-45. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139871853.003>
18. Weiss F. 2015. The Device of Soft Law: Some Theoretical Underpinnings. – *The changing landscape of global financial governance and the role of soft law*. Ed. by F. Weiss, A. J. Kammel. Leiden; Boston: Brill Nijhoff. P. 47-58.
 9. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T. 1: Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava*. Otvet. red. R.A. Müllerson, G.I. Tunkin [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 1: The Concept, Subject and System of International Law. Ed. by R.A. Müllerson, G.I. Tunkin]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 360 p. (In Russ.)
 10. Levin D.B. *Aktual'nye problemy teorii mezhdunarodnogo prava* [Some Problems of the Theory of International Law]. Moscow: Nauka Publ. 1974. 264 p. (In Russ.)
 11. Lifshits I.M. G-20: spasenie ot krizisa ili krizis legitimnosti? [G-20: salvation from crisis or crisis of legitimacy?]. – *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 2014. No. 2. P. 49-58. (In Russ.)
 12. Lifshits I.M. Nekotorye aspekty vzaimodeistviya mezhdunarodnogo finansovogo prava i prava Evropeiskogo soyuza [Certain Issues of Correlation between the International Financial Law and the EU Law]. – *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2018. No. 2. P. 5-13. (In Russ.)
 13. Nefedov B.I. Printsipy v mezhdunarodnom prave: terminologiya [Principles in International Law: terminology]. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 1. P. 6-17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-6-17>
 14. Ohler C. International Regulation and Supervision of Financial Markets After the Crisis. – *European Yearbook of International Economic Law*. Ed. by Chr. Herrmann and J.P. Terhechte. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. 2010. P. 3-29. DOI: [10.1007/978-3-540-78883-6_1](https://doi.org/10.1007/978-3-540-78883-6_1)
 15. Schütze R. *European Union Law*. 2nd ed. New York: Cambridge University Press. 2018. 916 p.
 16. Shumilov V.M. Mezhdunarodnoe finansovoe pravo: ponyatie, predmet, Sistema [The Concept of International Financial Law, its Concept and System]. – *Vneshneekonomicheskii byulleten'*. 2005. No. 6. P. 67-78. (In Russ.)
 17. Weber R.H. Does financial law suffer from a systemic failure? – *International Economic Law after the Global Crisis: A Tale of Fragmented Disciplines*. Ed. by S.L. Lim and B. Mercurio. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 33-45. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139871853.003>
 18. Weiss F. The Device of Soft Law: Some Theoretical Underpinnings. – *The changing landscape of global financial governance and the role of soft law*. Ed. by F. Weiss, A. J. Kammel. Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 2015. P. 47-58.

References

1. Abashidze A.Kh. Printsipy mezhdunarodnogo prava: problemy ponyatiino-soderzhatel'nogo kharaktera [Principles of International Law: Conceptual and Substantive Problems]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 19-29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>
2. Abashidze A.Kh., Kislitsyna N.F. Sistema mezhdunarodnogo prava [System of International Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2011. No. 3. P. 3-16. (In Russ.)
3. Bekyashev K.A. Ponyatie i klassifikatsiya osnovnykh printsipov obshchego mezhdunarodnogo prava [The Concept and Classification of the Main Principle of General International Law]. – *Lex Russica*. 2008. Vol. 67. No. 2. P. 433-441. (In Russ.)
4. Brummer C. How International Financial Law Works (and How It Doesn't.). – *Georgetown Law Journal*. 2011. Vol. 99. Issue 2. P.257-327.
5. Chernichenko S.V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy* [International Law Contours]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ. 2014. 592 p. (In Russ.)
6. D'yachenko E.B., Entin K.V. Obzor praktiki Suda Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v 2017-2018 godakh [An Overview of the Eurasian Economic Union Court's Case Law in 2017-2018]. – *Zakon*. 2019. No. 3. P. 88-109. (In Russ.)
7. Klabbers J. *International Law*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 398 p.
8. Krasikov D.V. Mezhdunarodno-pravovye printsipy restrukturalizatsii suverennogo dolga [International Legal Principles for the Restructuring of Sovereign Debt]. – *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. Referativnyi zhurnal*. 2018. No. 4. P. 215-219. (In Russ.)

Информация об авторе

Илья Михайлович Лифшиц,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

119285, Российская Федерация, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А

I.Lifshits@edaslawfirm.ru
ORCID: 0000-0002-1228-1183

About the Author

Ilya M. Lifshits,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for the Economic Development of the Russian Federation

6a, Vorobiyovskoye shosse, Moscow, Russian Federation, 119285

I.Lifshits@edaslawfirm.ru
ORCID: 0000-0002-1228-1183